

Л. М. Аржакова
Санкт-Петербургский университет

Станислав Понятовский — человек и политик. Взгляд из России

Судьба Станислава Понятовского (1732—1798), или иначе — Станислава Августа, последнего короля Речи Посполитой, оказалась накрепко связанной с Российской империей, с Петербургом.

На берегах Невы он — отпрыск аристократического рода — делал первые шаги в своей политической карьере. Здесь, будучи в ту пору, — выражаясь современным языком, — стажером при Английском посольстве в России, познакомился с великой княгиней Екатериной Алексеевной — супругой наследника престола, и та, в недолгом времени став императрицей, возвела его на польский трон. Здесь же, в Петербурге, в Мраморном дворце, Станиславу Понятовскому, — уже экс-королю несуществующего государства, — будет суждено закончить свои дни. Не говоря уж о том, что история Польши в годы его долгого и насыщенного бурными событиями царствования (1764—1795) самым тесным — и трагическим для поляков — образом переплелась с историей Государства Российского.

XVIII век нашей истории долго, если воспользоваться выражением В. О. Ключевского, оставался в полутьме¹. Тем ярче на этом фоне высвечивались отдельные фигуры екатерининской эпохи и тем более произвольно и субъективно складывались их репутации в общественном сознании. Такую предвзятость сполна испытал на себе Станислав Понятовский, снискавший в России известность, — даже, можно сказать, прочно вошедший в русскую историю. Но известность эта никак не способствовала объективности восприятия его личности современниками. Напротив, у них — как затем и у поколений историков — сложилось твердое и далеко не всегда заслуженно малоблагоприятное мнение о последнем польском короле. Проследить — как, под влиянием каких факторов оно сформировалось в отечественной литературе — составляет задачу данного сообщения.

Вполне естественно, что соотечественники Понятовского говорили и писали о нем еще больше. Русская и польская традиции взаимодействовали между собой, а основу тут заложили свидетельства современников, собравших немало исторических анекдотов о короле и делая, как водится, упор на его личной жизни. Так или иначе, на первый план выходили житейские мелочи и сплетни.

Из мемуаров и памфлетов пикантные подробности или прозрачные намеки на них перейдут в историографию — и, само собой, в беллетристику, где ярким примером могут служить хотя бы романы Казимира Валишевского, многократ-

Лариса Михайловна Аржакова, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории западных славян Санкт-Петербургского государственного университета. Специалист по истории Польши.

¹ Ключевский В. О. Очерки и речи: Второй сборник статей. М., 1913. С. 55.

но и со знанием дела (именно на основе мемуаров) обыгрывающего обстоятельства частной жизни Станислава Понятовского².

Российские историки обратили более пристальное внимание на Станислава Августа в последней трети XIX века, когда вплотную взялись за разработку темы разделов Речи Посполитой. Общественный интерес к таким студиям пододрело польское восстание 1863 г., которое во многом определило тональность трудов о падении Польши. Особое место здесь заняли монографии Соловьева и Костомарова.

«История падения Польши» С.М. Соловьева, увидевшая свет в том же 1863 году, строилась почти исключительно на русской дипломатической переписке. Цитируемые в книге или пересказываемые нелицеприятные реплики по поводу Станислава Августа, какими обменивались Екатерина II и ее корреспонденты, вместе с авторским комментарием к ним создавали у читателя нелестное представление о последнем польском короле. Однако задачу сколько-нибудь полную характеристику, а тем паче яркий образ Понятовского историк перед собой не ставил.

Н.И. Костомаров в своей двухтомной монографии «Последние годы Речи Посполитой» — первая публикация 1869 года — «корень падения Польши» узрел в «тех качествах народа, которые так легко увлекли его к деморализации и вообще делали поляков неспособными к самостоятельной государственной жизни»³. Общие рассуждения на данную тему он подкрепил развернутой характеристикой Станислава Понятовского, считая, что «это, можно сказать, был тип поляка XVIII века, соединявший в себе коренные свойства национального характера со свойствами европейской знатной особы своего времени»⁴.

Многословное, на пару страниц, перечисление достоинств и пороков королевской натуры Костомаров дополнил развернутым сопоставлением — вернее сказать, противопоставлением — Станислава Августа и его патронессы, ибо «русская императрица составляла по характеру диаметрально противоположность с польским королем, ее подручником»⁵. Далее по ходу изложения историк еще не раз будет возвращаться к этому вопросу, не меняя своей общей оценки и лишь добавляя колоритные примеры. В итоге получился яркий, легко запоминающийся читателям портрет Станислава Понятовского — пожалуй, самый детальный и самый выразительный в отечественной историографии.

Костомарова недаром традиционно именуют «историком-художником». Художественность явственно присутствует и здесь. Только надо учитывать, что у знаменитого историка это понятие подразумевало не просто образное мышление, живость слога. Увлеченно живописуя людей и события прошлого, он порой забывал о так называемой внутренней критике источников. Натолкнувшись в чьих-либо воспоминаниях на любопытный анекдот, не слишком затруднял себя проверкой его достоверности и репрезентативности — по осторожному выражению А.Л. Шапиро, «не всегда был достаточно педантичен и корректен в пользовании источниками и их критике»⁶. В созданном им портрете неудачливого польского монарха эти свойства творческой манеры историка проявили себя сполна.

² Напр.: «Всем известно темное происхождение этого романического героя, которого роковая случайность — одна из тех, которые решили в ближайшем будущем судьбу Польши, — приобрела с этой минуты к истории его страны», или «Он выставлял напоказ романическое направление мыслей, при случае придавая ему героическую и смелую окраску и скрывая под цвстами сухую и холодную натуру, невозмутимый эгоизм, даже неисчерпаемый запас цинизма» // *Валишевский К. Роман императрицы Екатерины II. М., 1990 (Репринтное воспроизведение издания: СПб., 1908). С. 89–90.*

³ *Костомаров Н.И. Последние годы Речи Посполитой. СПб., 1870. С. 26.*

⁴ Там же. С. 76.

⁵ Там же. С. 78.

⁶ *Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. М., 1993. С. 462.*

Костомаров охотно признавал некоторые достоинства этого, так сказать, типичного представителя польского народа. «От природы он получил счастливую память, живое воображение, блестящий, но никак не глубокий ум» и т.д. «Не видно в нем было того самодурства, которым так часто отличались и даже чванились польские паны, избалованные своим богатством и раболепством перед собою других», — развивает свою мысль историк, не обращая внимания на то, что упрек насчет самодурства легко мог быть от польских магнатов переадресован их собратям в России. Но список недостатков Станислава Августа оказывается длиннее, чем перечень положительных черт: «поверхностность, лживость и слабодушие — обычные качества охотников до женского естества, — отражались в его поступках», и пр., и пр. Костомаров мог назвать Станислава Августа «двоедушным, хитрым, недоверчивым» и тут же, не заметив противоречия, добавит: «зато в затруднительных положениях для своего ума и воли он был даже чересчур доверчив». В перечень качеств Понятовского автор включил и довольно туманные характеристики — «с трудом мог возвыситься до общей идеи, под которую подходили бы его понятия и поступки; у него всегда на первом плане были частные отношения»⁷ и т.п.

Станислав Август для Костомарова, как уже говорилось, являл собой «тип поляка XVIII века, соединявший в себе коренные свойства национального характера со свойствами европейской знатной особы». Однако столь разнородные слагаемые королевской природы и их взаимодействие не стали в книге предметом исследования. Вообще, как не раз отмечалось в историографической литературе, историк, вслед за романтической школой настойчиво ставя перед наукой задачу «уразумения народного духа» и полемизируя на этой почве с С.М. Соловьевым, в своей исследовательской практике незаметно для себя переходил на позиции государственников. В монографии 1869 г., где могущественное Российское государство времен Екатерины выступает чуть ли не как высшая ценность, это отчетливо заметно.

Именно на этом построена антитеза «Понятовский — Екатерина II». Так как «величие и благосостояние России было ее идеалом» и Екатерина восхваляется за то, что «она хотела сделать Россию сильнейшей державой в свете», то даже изредка отмечаемые автором ее недостатки котируются иначе, чем у Станислава Августа: «Политика ее была нередко двоедушна и коварна, но это было не то легкое двоедушие, которое почти никогда не покидало польского короля. Екатерина прибегала к нему только тогда, когда оно было необходимо для ее целей...»⁸.

Заслуга в критическом пересмотре устоявшегося в русском обществе взгляда на екатерининское царствование принадлежит В.О. Ключевскому. Конечно, «матушка Екатерина» и прежде удостаивалась язвительных оценок, но при этом преобладали эмоции. Ключевский, подойдя к мифу о «матери Отечества» как строгий аналитик и сконцентрировав внимание на внутренней политике императрицы, рассмотрел также ее политику в отношении Польши. Никак нельзя отказать ему в прозорливости, когда он доказывает, что, вопреки распространенному представлению, диссидентский вопрос был для Екатерины не более как предлогом для вмешательства в польские дела. На фоне традиционных рассказов о гнете, испытываемом православным народом в Речи Посполитой, бросается в глаза, что Ключевский писал совсем о другом — о том, как от самодержавно-дворянского управления «издавна тысячи народа бежали в безарядную Польшу, где на землях своевольной шляхты жилось сноснее»⁹. С полным основанием историком было отмечено: анархия в Польше была узаконена при под-

⁷ Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 77–78.

⁸ Там же. С. 79.

⁹ Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. V // Он же. Соч. в 9 т. Т. 5. М., 1989. С. 51.

держке России, и в то же время русские политики «сами же негодовали, что при такой анархии ни в чем от Польши никакого толку добиться нельзя»¹⁰.

Но такой пересмотр взглядов — вполне дельный и мотивированный — не коснулся последнего польского короля. Характеристика Станислава Августа в «Курсе русской истории» — в отличие от Костомарова — лаконична и выразительна, но по-прежнему однозначна: «Станислав Понятовский, фат, рожденный для будуара, а не для какого-либо престола, шага не мог ступить без красного словца и глупого поступка», «слабовольный человек»¹¹ и т.д. Рассуждение о том, что — вопреки словословиям ее современников и потомков — императрица не поражала ни блеском, ни глубиной своего ума, сопровождается сомнительным комплиментом: «Конечно, такому «умнику», как ее ставленник король польский Станислав Понятовский, который не мог шагу ступить без того, чтобы не сказать красивого словца и не сделать глупость, ум Екатерины II должен был казаться необъятной величиной»¹².

В названных выше книгах — и в ряде других — на первый план выходят суждения об индивидуальных человеческих качествах Станислава Августа — его манере поведения, уровне интеллекта и пр. Эти (чаще всего нелицеприятные) характеристики не лишены политического подтекста. Во-первых, мерилом личностных качеств монарха как водится, служили прежде всего результаты его правления, измеряемые обычно территориальными приобретениями или потерями для страны. Рассматриваемый под таким углом зрения образ польского короля, естественно, сильно проигрывал — независимо от того, был Станислав Август повинен в гибели Речи Посполитой или нет. Во-вторых, российские историки вольно или невольно согласовывали свои суждения о Понятовском — человеке и политике — с собственными представлениями о том, что в XVIII веке шло России на пользу, а что во вред. Именно эта сторона дела для С.М. Соловьева и его продолжателей, судя по всему, оказывалась весьма важной, даже определяющей, хотя, как правило, акцент в тексте все-таки больше ставился на чертах характера.

Непосредственно в политическую плоскость вопрос о последнем польском короле попробовал перевести Н.И. Кареев в 80-х годах XIX в. Ученого, когда он готовил книгу о польских реформах XVIII века, увлекла — весьма, надо сказать, поверхностная — аналогия между Речью Посполитой и предреволюционной Францией. Уподобив Четырехлетний сейм Генеральным Штатам 1789 г., а Станислава Августа Людовику XVI, Кареев счел польского короля, так сказать, по должности противником тех преобразований, какие готовил сейм 1788–1792 годов. Признав, что «Польша /.../ имела и своего короля-реформатора, и свою революцию»¹³, Кареев довольно подробно разобрал политическую деятельность «короля-реформатора», положение которого «было /.../ далеко не то, в каком находились другие монархи-преобразователи в XVIII столетии»¹⁴. Историк обращал внимание на главное отличие: польский король не обладал их независимостью, не говоря уж об абсолютной власти, и, сверх того, был вынужден «оглядываться на другие державы при проведении реформ в собственных владениях»¹⁵. Впрочем, Кареев не преминул упомянуть, что Станислава Августа не отличала «смелость решений»¹⁶. Оттого — впечатление некоторой двойственности данных Н.И. Кареевым оценок фигуры последнего польского короля.

Названные выше работы обозначают собой основные вехи на пути складывания в дореволюционной отечественной литературе определенного стереоти-

¹⁰ *Ключевский В.О. Курс... С. 48.*

¹¹ Там же. С. 37, 48.

¹² Там же. С. 291.

¹³ *Кареев Н.И. Польские реформы XVIII века. СПб., 1890. С. 3.*

¹⁴ Там же. С. 54.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 55.

па, касавшегося Станислава Августа и его роли в политической жизни своего времени. Так или иначе, в них и в примыкающих к ним сочинениях дает себя знать сложная взаимозависимость между оценками человеческих качеств и политической деятельности последнего польского короля, с одной стороны, и характеристой предпосылкой падения Польши, а также общим отношением к самим разделам Речи Посполитой, с другой.

Подходы авторов к теме бывали различными, различалась трактовка ими ряда проблем, но по поводу Станислава Понятовского в литературе тем не менее наблюдалось, можно сказать, единомыслие: при всех расхождениях в деталях решительно преобладали негативные оценки. Какова их источниковая база?

В основу неблагоприятных для Станислава Августа выводов был положен довольно солидный фонд памятников. В их число попадали частная и официальная корреспонденция, политические памфлеты, мемуары, которые отражали взгляды противостоящих друг другу социально-политических, этноконфессиональных группировок.

Переписка Екатерины II со своими послами, с другими дворами и прочие бумаги, какими обменивались между собой лица, посвященные в тайны российской дипломатической кухни, полны упреков по адресу возведенного императрицей на польский трон монарха, которого обвиняли в неблагодарности, в интригах, в нежелании следовать наставлениям Петербурга. Примерно в том же ключе (но с примесью явной зависти, уязвленных амбиций) воспринимали происходившее польские приверженцы Тарговицы, тогда как со стороны участников Барской конфедерации и последовавших за ней других патриотических акций громко звучали обвинения Станислава Августа в прямом предательстве национальных интересов, в покорном следовании политике русского двора и пр.

То есть попреки современников сыпались на Станислава Августа буквально со всех сторон — кто укорял за непослушание Екатерине, кто — за присоединение к Тарговице, но в конечном счете все они единодушно хулили его как человека и возлагали на него немалую долю ответственности за падение Речи Посполитой. Такое совпадение взглядов непримиримых между собой противников, казалось бы, должно было насторожить исследователей, заставив искать причину такого единомыслия. К тому же в ряде посвященных Понятовскому текстов сквозит неприкрытая недоброжелательность, пристрастность свидетелей. К примеру, свою лепту в его поношения внес такой уважаемый потомками политический деятель демократического толка, как Гуго Коллонтай, который, очутившись в изгнании в Саксонии, резко осудил тогда уже бывшего короля за присоединение в 1792 г. к инспирированной Петербургом Тарговицкой конфедерации. Но весомость упрека упадет до нуля, если вспомнить то, о чем обличитель предпочел умолчать: этот вынужденный обстоятельствами шаг Станислава Августа был предварительно санкционирован членами Стражи Законов, т.е. польского правительства, и в том числе самим Коллонтаем.

О Станиславе Августе писали незаурядные профессионалы-историки. Но, очевидно, тут сказывалась их политическая ангажированность. Под ее незримым давлением выбиралось самое простое (и созвучное настроениям в русском обществе) объяснение подобных неувязок — делался вывод, что как политик Станислав Август оказался полным ничтожеством, на которого не без оснований ополчились чуть ли не все его польские и русские современники.

Сложившиеся в российской историографии второй половины XIX — начала XX вв. стереотипы, касавшиеся как трех разделов Польши, так и личности и деяний Станислава Понятовского, перейдя в историческую литературу советского периода, не в одинаковой мере испытали воздействие идеологических и политических веяний новой эпохи. Так называемый классовый подход обусло-

вил резкое, бескомпромиссное осуждение политики русского самодержавия, и в частности дележа земель Польского государства в 1772, 1793, 1795 годах. Но пересмотра позиций в отношении к Станиславу Августу он за собой не повлек. Впрочем, специальных работ, где бы сколько-нибудь подробно анализировалась деятельность последнего польского монарха, тогда не выходило; дело ограничивалось краткими, порой мимолетными упоминаниями.

По-своему примечателен не имевший прямого отношения к историографии предмета эпизод 1938 года — перезахоронение праха Станислава Августа. Негативное восприятие этой исторической фигуры, помноженное на сложные, достаточно натянутые взаимоотношения Москвы с Варшавой, привели к тому, что останки короля, покоившиеся в Ленинграде, в костеле святой Екатерины на Невском проспекте, под предлогом проведения в бывшем храме строительных работ были извлечены и отправлены в Польшу. Не совсем обычный, мягко говоря, шаг советского руководства поставил верхи Второй Речи Посполитой в весьма щекотливое положение, заставив ломать голову над тем, как быть с неожиданным подарком. За экс-королем на его родине сохранялась репутация коллаборанта и если не главного, то одного из виновников разделов Речи Посполитой. Его захоронение в королевской усыпальнице на Вавеле, в Кракове, могло спровоцировать общественный скандал, вовсе нежелательный в нервной, напряженной внутривнутриполитической обстановке Польши тех лет. Те же мотивы мешали перезахоронению в Варшаве. Польские власти избрали, как им казалось, самый спокойный вариант, предписав королевский прах предать земле по месту рождения Станислава Августа, в Волчине. История (которая на этом не кончилась, поскольку осенью следующего, 1939 г. этот городок вместе с прочими западнобелорусскими землями отошел к Советскому Союзу¹⁷) наглядно продемонстрировала то пренебрежение, с каким в ту пору относились к памяти Станислава Августа и в СССР, и у него на родине.

Наращение имперских тенденций в советской внешней политике конца 1930—1940-х годов соответствующим образом сказалось на трактовке в нашей историографии разделов Речи Посполитой. Но тот угол зрения, под которым рассматривалась деятельность Станислава Августа, от этого мало изменился. Подробнее других о нем написал в середине 40-х гг. Е.В. Тарле: «Король — человек умный и просвещенный, стремился к упрочению центральной власти, но он был пешкой в руках России, а Екатерине нужна была именно слабая, а не сильная Польша»¹⁸. Восхвалявший Екатерину и ее политику академик, для которого Понятовский был только «пешкой», опирался в своем, так и не завершенном, труде на литературу XIX века — на Соловьева с Костомаровым, а также на их современников-поляков Т. Корзона и В. Калинку, что дало Б.С. Кагановичу повод назвать этот труд «историографическим анахронизмом»¹⁹. Но здесь все же стоит отметить тот факт, что Тарле счел уместным поменять знаки в оценке хотя бы интеллектуального уровня польского короля.

Концентрированное выражение тенденций, свойственных нашей послевоенной исторической науке, где примитивно-классовый подход к явлениям был существенно обогащен имперскими обертонами, — применительно к интересующему нас персонажу — находим у А.Я. Манусевича. Из его «Очерков по истории Польши» читатель узнавал о Понятовском главным образом то, что в мае 1791 года король «со свойственным ему двоедушием» хотел сорвать принятие Конституции, а спустя год с небольшим «предал, как известно, дело Конституции 3 мая»²⁰.

¹⁷ См.: *Нилова В.А., Штакельберг Ю.И.* Два польских короля в костеле на Невском проспекте // Славянский альманах. 2002. М., 2003. С. 359–373.

¹⁸ Цит. по: *Каганович Б.С.* Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб., 1995. С. 89.

¹⁹ Там же.

²⁰ *Манусевич А.Я.* Очерки по истории Польши. М., 1952. С. 64, 66.

Как видим, руководствовались ли наши авторы XIX–XX веков в своих суждениях о Станиславе Августе общечеловеческими критериями либо, признав высшей ценностью интересы государства (при этом скорее Российского, чем Польского), именно с ними соотносили поступки последнего короля Речи Посполитой, итог получался примерно один и тот же. В обоих случаях оценки — иногда безусловно осуждающие, иногда снисходительные, но все равно негативные — восходили, в конечном счете, к устоявшимся в национальном сознании стереотипам.

Стереотипы эти, как оказалось, не выдерживают строгой проверки. Особенно много для их опровержения сделал полвека тому назад известный польский ученый Эмануэль Ростворовский²¹. Изучив уцелевшие черновые бумаги комиссий Четырехлетнего сейма, трудившихся над проектами реформ, и критически проанализировав свидетельства участников событий, он доказал, что король активно участвовал в подготовке Конституции 3 мая. Больше того, выяснилось, что как раз из-под королевского пера вышел ряд достаточно радикальных ее положений. Польскими исследователями были внесены коррективы и в некоторые другие привычные представления о ставленнике императрицы.

Но происшедший в польской историографии — не без споров, отголоски которых ощущаются по сей день, и не без сомнений — пересмотр взглядов на место Станислава Августа в подготовке преобразований, увенчанных актом 3 мая 1791 года, к сожалению, в минимальной степени затронул российскую полонистику. Укоренившиеся в ней шаблоны зачастую оказываются востребованы по сей день. Подтверждением тому служит хотя бы вышедшая в серии «Жизнь замечательных людей» книга А.С. Мыльникова «Петр III: Повествование в документах и версиях» (М., 2002). Будущий польский король, понятно, возникает на ее страницах эпизодически, в контексте рассказа о великой княгине Екатерине Алексеевне. Портрет литовского стольника молодого Станислава Понятовского при этом получился легко узнаваемым, ибо автор бесхитростно следовал за собственноручными (и, как известно, весьма тенденциозными) «Записками» императрицы. Даже в опирающемся на богатейший архив Министерства иностранных дел исследовании П.В. Стегний «Разделы Польши и дипломатия Екатерины II: 1772, 1793, 1795» подбор материала, касающегося Станислава Августа, и тональность изложения в значительной степени отвечают давней традиции²². Правда, в вышедшей недавно фундаментальной монографии Б.В. Носова²³ давление стереотипов ощутимо гораздо слабее.

Summary

The article of Dr. Arczakova “Stanislaw Poniatowski — a man and a politician: Russian point of view” is devoted to an important topic of Russian historiography. The attention is concentrated on a contradictory personality in the history of Poland — the last King of Poland Stanislaw August. Mainly the article is devoted to the analysis of Russian historical studies of this theme. It is important that they are based on the stereotypes, which, as a rule, were formed a long time ago.

²¹ *Rostworowski E.* 1) [разделы в коллективном труде] *Historia Polski*. Т. 2. Cz. 1. Warszawa, 1958; 2) *Legends i fakty XVIII w.* Warszawa, 1963; 3) *Ostatni król Rzeczypospolitej: Geneza i upadek Konstytucji 3 maja.* Warszawa, 1966.

²² *Стегний П.В.* Разделы Речи Посполитой и дипломатия Екатерины II: 1772, 1793, 1795. М., 2002.

²³ *Носов Б.В.* Установление российского господства в Речи Посполитой. М., 2004.